

«РАБОЧАЯ ОППОЗИЦИЯ»:
POST SCRIPTUM

В числе тех немногих, кто составил исключение и, будучи арестованным, пытаемым и судимым в годы «большого террора», не вопрошал: «За что?!», были два человека — Александр Гаврилович Шляпников и Сергей Павлович Медведев. В отношении Сталина и его окружения у Шляпникова и Медведева иллюзий никогда не было. Есть твердое основание утверждать: ничего хорошего для себя они уже давно не ждали. И, если не предвидели своей казни и репрессий против членов семей, то к жестоким преследованиям готовы были.

Противодействие Шляпникова и Медведева сталинщине носило спорадический характер. Их имена не встречаются ни в списках сторонников Троцкого, ни Каменева и Зиновьева. Два бывших лидера «рабочей оппозиции» после XI съезда РКП (б) никаких постов в партийной иерархии не занимали, связь с рабочими массами волею «верхов» была оборвана, поэтому оказывать влияние «легальным» путем на партийцев, на рабочих они не могли. Ярлык «рабочей оппозиции» оказался слишком прилипчивым, факт острой полемики с Лениным (а они были последними, с кем он публично вел полемическую борьбу) был слишком свеж в памяти современников. Угроза исключения из партии нависала над ними по любому поводу. Поэтому встать на путь открытой или скрытой борьбы со Сталиным и его большинством значило поставить себя вне партии. Решиться на это они не могли по многим причинам. Одна из которых — опыт фракционной деятельности в 1921 г.

История знаменитой оппозиции, которую возглавили А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и А. М. Коллонтай, началась и закончилась при жизни В. И. Ленина. Резолюция X съезда РКП (б) «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии» и резолюция XI съезда «О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции», можно сказать, поставили на ней крест. Никаких реальных попыток возродить «рабочую оппозицию» не предпринималось.

Александра Михайловна Коллонтай с 1923 г. находилась на дипломатической работе и во внутрипартийной борьбе никакого участия больше не принимала. Умерла она в 1952 г. на 80-м году жизни в Москве в собственной квартире. Судьба двух других лидеров оппозиции сложилась иначе. Случилось так, что имена их, как только наступал апогей очередной кампании по борьбе с очередным уклоном, то и дело вновь появлялись на страницах партийной печати, к тому же в сопровождении самых уничижительных характеристик. Выделить крупницы истины из нагромождений лжи, каскадов оскорбительных выпадов — труд не из легких. Если следовать печально известному аргументу «нет дыма без огня» и искать источник глухой дымовой завесы газетно-журнальных атак на Шляпникова и Медведева эпохи 1924—36 гг., то придется вернуться все к той же «рабочей оппозиции». Дым от ее потухшего костра ед глаза не один десяток лет. Дым был необходим, чтобы глаза, слезящиеся от «праведного» гнева, не разглядели ненароком нечто истинное. Вывелась целая порода ворошителей потухшего костра; в их руках излюбленные средства: провокация, подлог, клевета. Но, случалось, вместе с клубами дыма летели искры, — ведь угли-то были еще некоторое время раскалены...

Наша задача: рассказать о тех искрах, которые удавалось высекать ворошителям из тлеющих углей 20-х годов.

Александр Гаврилович Шляпников. Член партии с 1901 г. Бывший токарь высшей квалификации, бывший член ЦК партии, бывший нарком труда, бывший председатель ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов, бывший председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта, бывший председатель Комиссии ЦК по улучшению быта рабочих... с середины 20-х годов работает в советских представительствах и руководит рядом хозяйственных ведомств.

Медведев Сергей Павлович. Член партии с 1900 г. Бывший токарь. Бывший председатель Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов, бывший комиссар 1-й Армии Восточного фронта, бывший член ЦК Союза металлистов... в 20-х — начале 30-х гг. председатель синдиката «Всецветмет», затем — в резерве ВСНХ и Наркомтяжпрома.

В истории внутрипартийной борьбы имена друзей-единомышленников Шляпникова и Медведева стоят рядом.

В историю эту они вписаны так же, как Каменев и Зиновьев, Бухарин и Рыков, Слепков и Рютин... устойчивым «имясочетанием». Культивирование десятилетиями подобных сочетаний стерло индивидуальные черты каждого отдельно взятого имени. Тоталитарная пропаганда, породив двуглавых двухфамильных монстров, лишила исторических деятелей собственного «я». История распорядилась так, что из пары Шляпников — Медведев о первом мы знаем и можем узнать неизмеримо больше, чем о втором. Хотя Медведев, а об этом говорят публикации последнего времени, как личность представляет интерес никак не меньший¹. Более того, судя по всему, Сергей Павлович в истории внутрипартийного противостояния Сталину занимал более активную позицию, чем его друг. Мы знаем немного. Его «письмо бакинскому товарищу»², о связи с группой Рютина³, ответы на допросах⁴. Из рассказа его дочери следует, что летом 1930 г. Медведев принимал участие в каких-то конспиративных встречах-переговорах...

Почти все, что хотели и могли сказать эти два члена партии с двадцатилетним стажем о путях и методах строительства социализма в России, они сказали зимой и весной 1921 года. Сегодня тезисы «рабочей оппозиции» вкупе с рядом статей и выступлений ее лидеров можно было бы назвать шляпниковской моделью социализма.

Все, что хотел и мог сказать об этой модели В. И. Ленин, он сказал тогда же, зимой и весной 1921 г. Тезисы «рабочей оппозиции» были отвергнуты большинством партии. Правда, с некоторым «но»... Ленинское «но» так и вошло в резолюцию X съезда «О единстве партии»:

«Поручая ЦК провести полное уничтожение всякой фракционности, съезд заявляет в то же время, что по вопросам, привлекающим особое внимание членов партии, — об очистке партии от непролетарских и ненадежных элементов, о борьбе с бюрократизмом, о развитии демократизма и самостоятельности рабочих и т. п., — какие бы то ни было деловые предложения должны быть рассматриваемы с величайшим вниманием и испытываемы на практической работе. Все члены партии должны знать, что по этим вопросам партия не осуществляет всех необходимых мер, встречая целый ряд разнообразных препятствий, и что, отвергая решительно неделовую и фракционную критику, партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.»⁵.

Все, или большая часть того, что Ленин счел неприемлемым в «рабочей оппозиции», шло от Медведева

и Шляпникова — советских профсоюзных лидеров; приемлемым же оказалось то, что исходило от Шляпникова и Медведева — рабочих, активных участников революционного движения.

Шляпников в своих тезисах опирался на опыт профсоюзной работы первых послеоктябрьских месяцев, когда союзы овладевали национализированными или брошенными владельцами предприятиями. Именно опыт, практика экономического строительства, приобретенный за время первого мирного периода существования Советского государства, подсказывал Шляпникову единственно правильный, с его точки зрения, вариант управления народным хозяйством. Но реальность была намного сложнее, в реальности были годы гражданской войны, практика «военного коммунизма», во время которых сложился особый госаппарат управления экономикой; слишком изменился социальный и кадровый состав рабочего класса, слишком ослабли как сами профсоюзы, так и их реальное значение в народнохозяйственной жизни. Пресловутый шляпниковский «съезд производителей» был съездом таких же, как Шляпников и Медведев, асов и певцов «зубчатой, коленчатой, шумящей стихии»⁶, токарного станка, но подобных асов в России 1921 г. было плачевно мало.

Говоря об отвергнутых в целом тезисах, необходимо помнить еще и следующее. Шляпникову всегда было присуще чувство личной ответственности за происходящее. Когда-то он, единственный рабочий в Совнаркоме, видел в создании «однородного социалистического правительства» (то есть состоящего из представителей всех партий, называвших себя социалистическими и представители которых входили в Совет рабочих депутатов) наиболее реальную перспективу для облегчения экономического положения российского пролетариата. Присоединившись к тем большевикам, которые в начале ноября 1917 г. выступили против однопартийного состава правительства, Шляпников тем не менее не сложил с себя, подобно другим, звания наркома труда.

В заявлении, опубликованном в ноябре 1917 г. в «Правде», он писал: «... решительным образом отверг тактику отказа от несения обязанностей, возложенных партией и Съездом Советов, а также снятие с себя ответственности в переживаемый нами момент»⁷. Более того, он вскоре возглавил еще один наркомат — торговли и промышленности. Он остался на своем посту, потому что ощу-

шал тревогу за судьбу тех, кого объединял Всероссийский союз металлистов, организатором и лидером которого он стал после Февральской революции. Эта тревога и ответственность проявились еще накануне Октября, когда Шляпников, в целом поддерживая курс партии на вооруженное выступление, высказывался против непродуманных действий, указывал на сложность экономического положения страны и призывал не забывать о нуждах рабочего класса. Этот же призыв прозвучал в 1921-м в платформе «рабочей оппозиции» и не расходился с принятыми на X съезде резолюциями.

В 1915—1917 гг. жизнь то и дело сталкивала Шляпникова, стоявшего тогда во главе Русского бюро ЦК, с разного рода революционной и околореволюционной накипью: интриганам от революции, провокаторами, авантюристами всех мастей, с так называемыми «бывшими партийцами» (от «обуржуазившихся обывателей» до «международных спекулянтов»). На его глазах после победы революции в партию стали возвращаться ее «блудные сыны», пришли и личности с темным прошлым и сомнительным настоящим. На опасность растворения в партии пролетарского элемента, так же как на необходимость борьбы с бюрократизмом Ленин и Шляпников смотрели одинаково. Проблемам улучшения, реорганизации работы госаппарата посвящены последние ленинские работы... Но поразить или победить партийную бюрократию, это «чудище обло...», оказалось невозможным. Чудище сожрало, не поперхнувшись, и наивных лидеров «рабочей оппозиции», и завещание партийного вождя, и вообще все, что можно было сожрать. Ненасытное и плотоядное, оно уже ползало у сапог своего нового хозяина.

Медведева и Шляпникова погубила, конечно, не полемика с Лениным, не ее острота, а то, что основной мишенью критики, так или иначе, оказался партийный аппарат. Шляпников и Медведев одними из первых видных большевиков испытали на себе немилость этого аппарата, все более набирающего силу по мере ухудшения здоровья В. И. Ленина.

Всевидящему и всезнающему аппарату было очевидно, что многие бывшие сторонники «рабочей оппозиции» по отношению к политике сталинского большинства продолжают занимать в той или иной степени негативную позицию. Иначе и не могло быть. Иначе все их декларации двадцать первого года ничего бы не стоили. После-

дующие события, в том числе действия партаппарата, вопиюще противоречили резолюциям X съезда, в которых, в частности, говорилось о развитии рабочей демократии и о борьбе с бюрократизмом всеми средствами. Последнее положение было своего рода *idée fixe* лидеров «рабочей оппозиции» и делало неизбежным инакомыслие Шляпникова, Медведева и их друзей во все следующие годы, вплоть до насильственной гибели.

Они понимали, что церемониться с ними никто не будет, и старались не давать поводов для применения санкций в соответствии с резолюцией «О единстве партии». Но обстоятельства складывались так, что уподобляться безгласным рыбам становилось порой невозможным. В силу своей личной порядочности и ответственности молчать по поводу тех или иных тревожных явлений в жизни страны и партии они не могли. Но стоило кому-то из них на страницах ли печати, в частной переписке, в кругу друзей и земляков высказаться о сложившемся политическом или экономическом положении, тут же поднимались инспирированные сверху газетные и журнальные бури, сыпались угрозы, ОГПУ повышало бдительность...

Разберем конкретные случаи, давшие повод партийным охранителям обвинить бывших лидеров «рабочей оппозиции» в злостном инакомыслии и в соответствующих намерениях и поступках.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ: «НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ»

После XI съезда РКП(б), на котором А. Г. Шляпников, С. П. Медведев и А. М. Коллонтай были предупреждены об исключении из партии, лидеры «рабочей оппозиции» замолчали. Для Шляпникова политическое молчание длилось 1 год 8 месяцев. Еще в 1920 г. он приступил к работе над воспоминаниями. С тех пор ежегодно, на протяжении семи лет, выходили его книги или статьи, посвященные истории революции 1917 г. После весны 1922 г. Шляпников, признанный медицинской комиссией, как явствует из выступления Сталина на XII съезде РКП(б), «абсолютно негодным на ближайший период для ответственной работы»⁶, ведет активную исследовательскую деятельность в Истпарте.

Чтобы яснее представить себе, при каких условиях

состоялось его первое после XI съезда полемическое выступление, вкратце напомним о некоторых событиях внутри партии. В сентябре 1923 г. на Пленуме ЦК РКП(б) было принято решение о развертывании внутрипартийной демократии. После Пленума в ЦК поступило письмо Троцкого с критикой политики, проводимой ЦК, а затем — «Заявление 46-ти», в котором особой критике подвергся полный зажим партийными верхами свободы мысли и мнений... 5 декабря на совместном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК принимается резолюция «О парторганизации», подтверждающая курс на внутрипартийную демократию. Вслед за этим появляется статья-письмо Троцкого «Новый курс» и разворачивается дискуссия, в которой принимают участие Е. Преображенский, Н. Осинский, Г. Пятаков и др. Пленум ЦК (14—15 января 1924 г.) подвел итог дискуссии и осудил оппозицию. 16 января начала свою работу XIII партконференция. На ней была принята специальная резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», направленная в основном против Троцкого и платформы 46-ти. И только 18 января, в последний день работы конференции, «Правда» публикует статью Шляпникова «Наши разногласия» — непосредственный отклик на резолюцию от 5 декабря и последующую дискуссию.

Возникает вопрос: зачем понадобилось явно дискуссионную статью публиковать в ЦО партии после завершения дискуссии, после осуждения оппозиционных точек зрения и к тому же в последний день работы конференции? Очевидно, что статья писалась не «в стол», а в полной уверенности на возможность публикации. Скорее всего, в «верхах» Шляпникову предложили высказаться, что он и сделал на 1,5 печатного листа.

Ряд выдержек из статьи, полагаю, дадут верное представление о той позиции, которую занимал Александр Гаврилович Шляпников во время дискуссии конца 1923 г.

«...Мы присоединяем свой голос протеста против попыток политического шельмования оппозиции... Среди протестующих ныне против подобных недостойных приемов полемики между членами партии мы видим и таких, которые еще в весьма недавнее время немало потрудились в деле дискредитирования и шельмования иных инакомыслящих. Мы можем лишь приветствовать их перемену и выразить пожелание, чтобы их урок не пропал даром для тех, которые теперь занимаются подобным ремеслом...

Сами представители центрального комитета, открывшие дискуссию, дают в своих речах такие объяснения новому повороту партии, которые показывают, что мысли «рабочей оппозиции», в известной

части, им теперь стали нечужды, если не подозревать их в том, что они взяли их напрокат для овладения «стихийной демократии»...

Борьба велась (после X съезда партии.— Б. Б.) не по идейной линии, а путем недопущения и вышибания с мест работы, систематических перебросок и даже исключения из партии. Всякий член партии, выступивший в защиту резолюции X съезда о рабочей демократии, объявлялся сторонником «рабочей оппозиции» и разлагателем партии и подвергался всем бичам упрочившегося в ней приказного режима...

Получая полное одобрение и поддержку со стороны теперешних деятелей оппозиции мерам расправы со сторонниками «рабочей оппозиции», Центральный комитет после XII съезда поучивал себя в силе применить часть из этих мер и в отношении тех, кто, по мнению руководящего состава Политбюро, не разделяет его линии работ и ведет против него открытую или скрытую борьбу. Удары учетно-распределительного аппарата были направлены на непокаявшихся троцкистов и демократических централистов. Начались снятия с политических постов сторонников этих направлений...

Не случайно у нас расцвел тот партийный режим, который ныне находит такое резкое осуждение. Политика, проводившаяся до сих пор, не могла опираться на пролетарскую самодеятельность, а непролетарские партийные слои по своей психологии оказались благодарными элементами для приказной системы работы, и установившиеся методы работы не вызывали у них возмущения; в политике же ЦК, проводившейся при этой системе и методах, они находили удовлетворение своих общественно-классовых интересов. Но всему есть предел. Партийный режим, построенный на удушении внутривнутрипартийной самодеятельности и критики, не только изжил себя, он изжил себя давно, но поставил партию за последнее время на край опасности...

В той игре в демократов, которую мы наблюдаем теперь, все сходится в отрицании «старого режима» в партии. Теперь все стали «демократами», вспомнили наконец о потерянной грамоте X съезда... Но где у нас гарантии, что та шумливая борьба против «аппаратчиков», поднятая ныне, даст реальные политические результаты, а не приведет лишь к замене одних аппаратчиков другими... Членов партии волнует вопрос о том, где «гарантии» в том, что резолюция ЦК и ЦКК (от 5 декабря «О партстроительстве». — Б. Б.) не окажется «пропавшей грамотой», что ее не поглотит «аппарат»...

После X съезда, несмотря на то, что никто не мог установить наличия какой-либо организационной фракционной группы «рабочей оппозиции» внутри наших партийных организаций, однако ее сторонников постоянно травили и судили именно как организаторов групп и разлагателей партийного единства. И этими мерами усердно, но безуспешно толкали их на путь фракционной обособленности. И как это ни казалось бы чудовищным, но мы имеем основание сказать, что некоторых из сторонников «рабочей оппозиции» пытались вызвать на выступления против партии...»

Таковы некоторые рассуждения А. Г. Шляпникова. Автор, судя по всему, наивно полагал, что положения его статьи еще находятся в русле дискуссии о «рабочей демократии». Но в ответ получил вовсе не аргументацию Троцкого или замечания по существу сторонников «боль-

шинства». «Наши разногласия» вышли в сопровождении разгромной статьи Г. Сафарова «Еще одна атака на партию». В корявом и неубедительном разборе, учиненном, кстати, будущим активным оппозиционером, прослеживается определенная тенденция. По прочтении шляпниковской статьи можно было бы предположить, что позиция автора будет «пристегнута» к позиции Троцкого, 46-ти или еще к кому-нибудь из участвовавших в декабрьской дискуссии. Но ничего подобного ни у Сафарова, ни у Е. Ярославского, разразившегося статьей «Чего не следует забывать» на следующий день (19 января), мы не находим. «Несвоевременные мысли» Шляпникова предназначались публикаторами вовсе не в качестве запоздалого контекста завершившейся дискуссии,

Судя по реакции на статью, шельмование Шляпникова имело далеко идущие планы. Цель публикаторов — дать выговориться. Уловка удалась вполне. Дело осталось за определенным рода увязкой...

Осенью 1923 г. органами ОГПУ была раскрыта деятельность двух нелегальных организаций: «Рабочей группы» и «Рабочей правды». Последовали аресты. Во главе «Рабочей группы» стояли Г. Мясников и Н. Кузнецов, в 1922 г. исключенные из партии. Оба они были в числе подписавших в свое время «Заявление 22-х» в Исполком Коминтерна. Среди сторонников группы, состав которой был рабочий, находились и бывшие рядовые участники «рабочей оппозиции». Немногочисленная «Рабочая правда» состояла из литераторов, слушателей вузов и рабфаков. Шляпникова предполагалось «увязать» с обеими группами, хотя вторая из них вообще ничего общего с бывшей «рабочей оппозицией» не имела. Сафаров взял на себя увязку с «Рабочей правдой», Ярославский — с «Рабочей группой».

По Сафарову, Шляпников «ничего не позабыл и ничему не научился с марта 1921 года... Тов. Шляпников с величайшим негодованием отвергает душевное сродство части бывшей «рабочей оппозиции» с группой «Рабочей правды». Но вся его постановка вопроса такова, что он лишь **недоговаривает** до конца того, что выкладывает целиком «Рабочая правда», типично интеллигентски-меньшевистская группа».

В руках Ярославского находился более серьезный «компромат» на Шляпникова. Поэтому «воинствующий безбожник» позволил себе рассуждать в тоне объективного и беспристрастного судьи:

«И тем не менее факт, что Мясников враждебно настроен по отношению к гг. Шляпникову, Медведеву и некоторым другим членам бывшей «рабочей оппозиции». Точно так же факт, который я всегда подчеркивал: гг. Шляпников и Медведев выступали *против* (курсив везде Ярославского.— Б. Б.) Мясникова и его нелегальной группы.

Так в чем же дело? В чем же тогда *ошибка* тов. Шляпникова? В том, что *тов. Шляпников проводил на нелегальных собраниях «Рабочей группы» не директивы партии, а свои собственные взгляды, взгляды бывшей «рабочей оппозиции», осужденные съездами партии. Эти взгляды только частично совпадали со взглядами «Раб. гр.»*. Мясников шел *дальше* и докатился до подпольной противопартийной организации, участвовавшей в забастовках, организовавшей эти забастовки, но исходным пунктом мясниковщины является тот же анархосиндикализм тов. Шляпникова...»

Вот так. Хотя вроде бы и «нет», но все-таки определено — «да». Любопытен здесь скорее не ход рассуждений Ярославского, а информация о том, что Шляпников посещал собрания группы. Видимо, Ярославский получил сведения об этом в ЦКК, где Шляпников, возможно, давал объяснения по поводу характера своих посещений.

(Из неопубликованных воспоминаний чекиста М. Шрейдера, а именно из описываемого им эпизода ареста в 1923 г. Мясникова, мы узнаем, что на следующий день после ареста на квартиру лидера «Рабочей группы» пришли Шляпников и Т. Сапронов, бывшие тогда членами ВЦИК. Из указанного эпизода видно, что партийное руководство, естественно, не информировало их о готовившейся акции ГПУ. Вполне вероятно, что та степень «антиправительственности» «Рабочей группы», которая впоследствии ей инкриминировалась, Шляпникову была неизвестна.)

Итак, 18 января, в день выхода статьи «Наши разногласия», Шляпников объявлен духовным союзником «Рабочей правды», 19-го — идейным вдохновителем арестованной «Рабочей группы». Ярославский заканчивает свою статью обещанием в ближайшие дни вернуться к теме «Шляпников — «Рабочая группа», но... Но 21 января умирает В. И. Ленин. Страна в трауре. Операция по дискредитации становится неактуальной. «Наши разногласия», к счастью для автора и к досаде рьяных «критиков», так и не стала «событием», поводом для применения против Шляпникова соответствующих санкций. Атака на лидеров бывшей «рабочей оппозиции» откладывалась до лучших времен.

Никто не знал, что в то же самое время Сергей Павлович Медведев написал письмо. Написал и отослал его в Баку своему другу... Но это уже другая история.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ:

«ПИСЬМО БАКИНСКОМУ ТОВАРИЩУ»

Итак, в конце января 1924 г. Сергей Павлович Медведев написал и передал с товарищем Колосовым письмо в Баку. Некому Барчуку, бывшему стороннику «рабочей оппозиции». Тот письмо получил (это был ответ на его запрос), переписал, кое-кому зачитывал, а оригинал отослал обратно Медведеву. Позднее, в том же 1924 г. в Баку против группы рабочих-партийцев органами ГПУ было заведено дело. Началась подготовка к процессу над так называемой бакинской оппозицией. Местное руководство взялось за дело с провинциальным усердием. Участникам группы был вынесен приговор. Шляпников и Медведев выступили с протестами против него. ЦКК назначила дополнительное расследование. Результатом его стало Постановление ЦКК ВКП(б) о так называемой бакинской оппозиции, в котором говорилось: «Расследование выяснило, что со стороны тт. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу»⁹. За создание этого «дела» одному из секретарей ЦК и председателю ЦКК Азербайджанской КП(б) были вынесены выговоры. Приговор отменили. Даже член Президиума ЦКК А. Сольц («которого, — как писал Шляпников, — мы открыто считаем крайне пристрастным ко всякому делу, где имеются наши имена»¹⁰) в специальной статье, посвященной «бакинской оппозиции», отмечал, что действия местных властей «свидетельствуют о недопустимой горячности»¹¹.

Спустя два с половиной года после того, как Медведев отправил свое письмо в Баку, «Правда» в анонимной статье «Правая опасность в нашей партии» неожиданно опубликовала из него выдержки¹²...

Публикации предшествовало следующее. Весной 1926 г. в разгар борьбы с троцкистско-зиновьевской оппозицией по делу «бакинской группы» вновь заработала комиссия ЦКК. В ее состав вошли А. А. Сольц, Е. М. Ярославский, М. И. Ульянова. Комиссия для расследования специально выезжала в Баку. Теперь выводы ее звучали иначе, чем в 1924 г. Комиссия

«установила, что со стороны некоторых бакинских товарищей была попытка создать группу «рабочей оппозиции», идеологической основой которой являлись: письмо тов. Медведева к «дорогому тов. Б.», речь тов. Шляпникова на Хамовнической партконференции, его же статья в «Правде» и другие документы»¹³.

В письме Шляпникова от 19 мая 1926 г. всем членам Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК, озаглавленном «Вместо ответа на полицейские вопросы ЦКК и телефонные запросы», среди прочего говорилось: «Следствие вскрыло в деле «бакинской оппозиции» наличие подлой провокации, действовавшей по директивам партийных и контрольных органов. Ни т. Колосов, ни т. Разин и никто из других привлеченных по этому делу никакой группы не создавал и не оформлял... Тов. Колосов явился лишь жертвой той системы доносов, филерства и шпионства, которые практикуются в партии и, в частности, объектом которой служу и я... Я считаю, что только оступелые партбюрократы или сознательные политиканы могут толковать этот совет т. Медведева, данный старому члену партии о необходимости сближения с молодыми членами партии — рабочими, как предложение создать группу. Это обвинение бросается автору и адресату с очевидной целью начать новое дело против «рабочей оппозиции».

В этом стремлении создать против меня дело комиссия ЦКК перешагнула все меры товарищеского приличия...»¹⁴

А. Г. Шляпников посылает в журнал «Большевик» статью «О демонстративной атаке и правой опасности в партии», которая публикуется в сентябрьском номере (№ 17) журнала за 1926 г. Предоставим ему слово: «В «Правде» от 10 июля с. г. в статье «Правая опасность в нашей партии» помещен разбор личного письма тов. Медведева бакинскому партийному пролетарию. Это письмо относится к периоду внутрипартийной дискуссии 1923—24 гг. и имело исключительно личный характер, но уже в том же 1924 году, со времени начала провокации, дело против рабочих членов партии в Баку получило партийно-общественное значение и стало известно членам Политбюро ЦК партии. Однако лишь спустя два года после получения его членами ЦК редакция нашего центрального органа внезапно увидела в нем выражение «правой опасности в нашей партии... Мы были бы весьма благодарны редакции «Правды» даже за запоздалое

внимание к поставленным в нем вопросам, даже в форме отдельных цитат из него и частичное опубликование письма тов. Медведева, если бы они делались без сознательных извращений, чего мы вправе требовать от редакции «Правды».

Далее Шляпников касается вопроса о причинах, побудивших редакцию газеты обратиться к тексту давно написанного письма: «...Столь внезапное просветление редакции «Правды» и постановка вопроса о письме т. Медведева понадобились руководителям большинства ЦК... для политического шельмования нас и в целях запугивания тех, кто не разделяет политики нынешнего большинства ЦК партии...»

Шляпников пишет о «сознательных извращениях» при публикации письма в «Правде». Здесь необходимо указать, что ЦК располагал двумя документами: 1) подлинником письма, переданным Медведевым в начале 1926 г. в ЦК, и 2) изъятым при обыске экземпляром платформы бакинских рабочих, подписанным Колосовым, Разиным и др. Автор ответа Шляпникову (тоже анонимный) в журнале «Большевик»¹⁵ утверждает, что это один и тот же документ, поскольку бакинские рабочие не отрицали, что платформа списана с письма Медведева (возможно, это «неотрицание» было получено в ходе следствия), а свой подлинник Медведев мог и переписать. Располагая лишь отдельными цитатами обоих документов, трудно решить, кто прав: Шляпников, утверждающий, что «Правда» исказила текст, или анонимный автор статьи в «Большевике». Ясно одно, газета «Правда» сочла возможным и политически выгодным (отбросив этические нормы) напечатать в измененном и исправленном виде выдержки из давно написанного частного письма. Характер публикации Шляпников справедливо назвал шельмованием и запугиванием.

«Правда» вывела из медведевского письма «химически чистый меньшевизм». О чем же на самом деле было это пресловутое письмо? Если верить цитатам, приведенным анонимом в «Большевике», то из них следует, что Медведев высказывает тревогу за состояние крупной госпромышленности и мелкого крестьянского хозяйства.

«Мы считаем,— пишет он,— что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в варварских условиях и неминуемую гибель... Выходом из такого положения этих разоряе-

мых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил»¹⁶. Основной «криминал» письма содержится в части, посвященной международной политике сталинского большинства. Главный порок этой политики, по Медведеву, состоит в том, что «она все хочет видеть в цвете нашей страны». «Попытки механически насадить наши методы работы во всех западноевропейских странах приводят... буквально к дезорганизации рабочего движения... к насаждению материально немощных коммунистических секций... что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представляющие в Коминтерне, как более «революционные рабочие»¹⁷. (В скобках заметим, что «оравы мелкобуржуазной челяди» вызвали наибольшее негодование «Правды» и «Большевика».) Медведев указывает на безнадежность методов, которыми Коминтерн пытается завоевать рабочих других стран¹⁸.

Сам факт поддержки Шляпниковым своего друга, обреченного статьей в «Правде» на исключение из партии (Медведев действительно был-таки за письмо в Баку из партии ненадолго исключен, но вскоре восстановлен), обреченного уже одними только «оравами мелкобуржуазной челяди», — сам этот факт — уже Поступок для того времени. Но Александр Гаврилович не только защищает, но и не боится при этом называть вещи своими именами. Он заявляет: строки статьи в «Правде» «бьют фонтаном неправды»¹⁹, против Медведева используется «нечестный прием борьбы, ложь и клевета»²⁰, статья размазывает лживые измышления²¹. Шляпников не сомневается в том, кто был инициатором заварившейся вокруг медведевского письма каши. Полемика Шляпникова с редакцией «Правды» — это полемика с теми самыми кругами, поручения которых выполняет центральный орган. «Опровергая возводимые на нас обвинения, построенные на основании вымышленных данных, ложных цитат и извращений, мы считаем своей партийной обязанностью протестовать не только против подобных методов борьбы, но и против той политики, интересами которой диктуется борьба нынешнего большинства ЦК против нас»²², — гневно пишет он.

Александр Гаврилович за словом в карман не лез. Когда-то, за пять лет до «Демонстративной атаки...»,

в полемических выступлениях позволялось многое. Позволял себе Ленин. Позволялось другим. Когда-то, на X съезде, Шляпников в ответ на выступление Ленина заявил: «Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция («О единстве партии». — Б. Б.), я не видел и не слышал в своей жизни за двадцать лет пребывания в партии»²³. На что Ленин, сам не чуждый крепких эпитетов, вполне спокойно ответил, безо всякого раздражения. Шляпников продолжал жить в безвозвратно ушедшей эпохе. Теперь, в 26-м, когда «верхи» во главе с генсеком, чья грубость была известна, начинали позволять себе в «беседках» со строптивцами нецензурную брань, за шляпниковские слова «ложь» и «клевета» следовали оргвыводы...

Шляпников не только защищал друга, но и выступил с резкой критикой партаппарата.

«За последний год, — писал он, — партия становится ареной чудовищных явлений. Господствующая ныне в ЦК фракция разгромила ленинградскую организацию за выражение ею опасений по поводу растущей кулацкой опасности в стране...

Вся жизнь партии за время после XIV партсъезда приспособлена для «выявления» инакомыслящих, для борьбы со всеми партийцами, которые выражают недовольство современной политикой партии. Как будто в прямое дополнение к этому в экономике идет буквальное наступление на рабочий класс...

Режим экономии извращается и направляется по линии усиления эксплуатации рабочих. Во всем этом таится для партии огромная опасность, и обстрел нас имеет цель отвлечь внимание партии от действительных опасностей, стоящих перед ней...

Выбрав нас мишенью для атаки, руководители ЦК решили проинвестировать расправу с растущими в партии оппозиционными настроениями. Все оппозиционные настроения партийно-пролетарской и родственной ей среды направлены ныне против душачего партию бюрократизма и формализма, против бюрократического принижения инициативы, внутривнутрипартийной критики и против подавления независимой от чиновников партийной мысли...»²⁴

Статью свою Шляпников заканчивает так:

«Над нами вновь повисла «июльская угроза». Но мы безбоязненно пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора. Мы уверены в конечной победе революционного пролетариата нашей страны над всеми мелкобуржуазными стихиями и сделаем все, чтобы «рабочая демократия» восторжествовала внутри нашей партии и чтобы в интересах подлинного единства исчезла разлагающая наши ряды система внутривнутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз»²⁵.

К сожалению, «уверенность в победе» была напрасной, как напрасным и опрометчивым было следующее шляпниковское положение:

«Партийная бюрократия защищается и с этой целью не гнушается никакими средствами. Но такими методами побороть оппозиционных явлений нельзя. Шельмованием нас (или других отдельных товарищей) можно смутить и запугать только политических трусов, но всякий пролетарий, работавший с нами или слышавший нас, не верит и не поверит клевете на нас»²⁶.

Шляпников еще не понял, что партийная бюрократия вовсе не «защищается», а исключительно нападает, что ее дело не «побороть», а уничтожить, и не «явления», а конкретных лиц, что «смутить и запугать» можно не только «трусов», но и их — Шляпникова и Медведева (если не запугать, то уж смутить во всяком случае!) и, наконец, что «всякий пролетарий» давно уже видит и слышит совсем других вождей и совсем другие слова и совсем скоро «созреет» для того, чтобы поверить такой клевете, какая никаким оппозиционерам еще не снилась.

Шляпников опрометчиво бросился в атаку, забыв урок, который преподавал ему февраль и март 1922 г. Тогда ряд партийцев, в основном сторонников бывшей «рабочей оппозиции», обратился в Исполком Коминтерна с жалобой на политику ЦК по некоторым вопросам, которая была изложена в «Заявлении 22-х». Несколькими днями позже со слов Шляпникова членом ИККИ Коларовым был составлен перечень претензий к ЦК со стороны авторов «Заявления», носившего декларативный характер. В отличие от него перечень имел более конкретное содержание. (Особенное внимание обращают на себя пятый и шестой пункты, в них симптомы будущих широкомасштабных преследований видных оппозиционеров:

«5) ...После III конгресса агент ВЧК Рубинов явился к секретарям Шляпникова и Коллонтай с предложением создать группы IV Интернационала. Провокация заключалась в том, что таким образом имелось в виду создать повод для исключения Шляпникова и Коллонтай из партии. 6) В квартире Шляпникова в Москве произошел обыск, хотя он и член ЦК партии. Письмо, адресованное Шляпникову из Ревеля с жалобами на тамошнюю миссию, было кем-то вскрыто. Вместо того, чтобы доставить письмо Шляпникову письмо было передано тому лицу, на которого в письме содержались жалобы...»²⁷)

Специально созданные комиссии ЦК партии и ИККИ вынесли резолюции, осуждавшие жалобщиков. Инцидент с обращением группы партийцев в Коминтерн был предан гласности. По стране прокатилась волна возмущений. Мартовские газеты 22-го года регулярно публиковали тексты коллективных негодований. На губернских партконференциях и на собраниях низовых партячеек прини-

мались резолюции соответствующего содержания. В некоторых из них звучали требования исключить жалобщиков из партии. Кампания массового возмущения стала прецедентом в длинной цепи событий внутривнутрипартийной борьбы. Шляпников забыл, что они с Медведевым были первыми, и поэтому не предвидел, что спустя почти пять лет «оравы мелкобуржуазной челяди» поднимут еще более мощный шквал общественного негодования.

И еще одну особенность изменившейся эпохи не заметил Шляпников. Его пламенная «Демонстративная атака...» по жанру принадлежит эпохе X съезда. Он не понял, что вместе с эпохами меняются и характерные для них жанры. На историческую сцену уже не первый год упорно пробивал себе дорогу театр абсурда. (Именно в это время Даниил Хармс впервые в мировой литературе пишет драмы абсурда, в том числе свою знаменитую «Елизавету Бам». Безусловно, творчество Хармса и его друзей по «Обэриу» питала окружающая их действительность.) Катавасия вокруг медведевского письма в этом плане — лишь характерный штрих эпохи. Вот некоторые элементы летне-осенней, 1926 г., драмы.

В письме Медведева ничего не говорится о кооперации. Раз так, то «Правда» делает вывод, что Медведев злейший враг кооперации. Ему приписываются рассуждения о сформированном в Англии рабочем правительстве. Шляпников напоминает, что, когда письмо писалось, еще никакого рабочего правительства не было. На это аноним в «Большевике» замечает: хотя и не было, но было ясно, что таковое будет.

Медведев пишет о дефицитности бюджета, а это значит, что он... за «концессионную политику без всяких границ», поскольку «никакого другого вывода нельзя сделать»²⁸. «Правда» полагает, что, раз Медведев осуждает изоляционистскую политику Коминтерна, значит, он против... создания компартий в Германии, Франции и Италии...

«Медведев,— рассуждает газета,— ближайший соратник и правая рука тов. Шляпникова», а тов. Шляпников «озарен сиянием... свержением радикализма». Но... «ребенок поймет, что в платформе Медведева... в цинично-оголенной форме выставлены крайние правые, махрово-меньшевистские требования». (Страшное поколение выросло из детей, которым должно было быть хоть что-то понятно из всего этого бреда!)

«Тем самым,— продолжала «Правда»,— письмо сиг-

нализирует перед партией ту опасность, что тот или иной политический зигзаг «влево»... может стать роковым зигзагом «вправо»...

Не пройдет и пяти лет, как вся эта абракадабра выльется у «исследователя» внутрипартийной борьбы М. Гайсинского в такой перл: «Сочувственное отношение блока (троцкистско-зиновьевского.— Б. Б.) к оссовщине и медведевщине объяснялось не только тактическими маневрами организаторов блока, но и тем, что в оппозиции вошли в значительной степени элементы медведевщины и оссовщины»²⁹. Вот так!

Статья Шляпникова в защиту друга — крик отчаянья, который услышали, но только те, кто затеял всю эту историю с «письмом бакинскому товарищу». Зачем затеяли — видно из финала истории. Все оказалось неожиданней и проще, чем думал Шляпников. Дело-то было вовсе не в письме, а в ... Зиновьеве, Троцком и их оппозиции. Шляпников об «анатомии» внутрипартийной борьбы знал не понаслышке. «Нас пытались,— вспоминал он в той же статье в «Большевике»,— вызвать на эту борьбу (с ленинградской оппозицией.— Б. Б.), беря наши чувства обиды на тех, кто особенно ярко боролся с нами на XI съезде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем и водителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI съезде за наше исключение из партии. Но, как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Всю свою жизнь мы руководились только интересами нашей пролетарской партии и ее конечной победой»³⁰.

Но на этот раз «тонкость» политики ЦК Александр Гаврилович недооценил. Подняв шумную кампанию вокруг Шляпникова и Медведева, сталинское большинство постепенно вело дело к «пристегиванию» бывших лидеров «рабочей оппозиции» к так называемому троцкистско-зиновьевскому блоку. «Пристегивание» удастся так ловко, что, не успев оглянуться, «блок» оказался в союзе с «химически чистым меньшевизмом» Шляпникова и Медведева. И большинство незамедлительно приступило к порке. Тактическое отступление «блока» приводит к принятию им «минимальных условий, способных оградить партию от дальнейшей фракционной работы дезорганиза

торов». В эти выдвинутые ЦК 11 октября 1926 г. условия входит: открыто отгородиться ясным и недвусмысленным образом от меньшевистской платформы Медведева — Шляпникова («платформой» названы все то же «письмо бакинскому товарищу» плюс статья Шляпникова в «Большевике»), ликвидирующих Коминтерн и Профинтерн и проповедующих объединение с социал-демократией³¹.

Над Шляпниковым и Медведевым нависла угроза исключения из партии. Теперь события начали развиваться с калейдоскопической быстротой. 17 октября «Правда» публикует «Заявление», подписанное лидерами «блока», в котором взгляды бывших лидеров «рабочей оппозиции» признаются «глубоко ошибочными», антиленинскими и в корне противоречащими нашим взглядам». В том же номере «Правды» напечатано «Извещение ЦК ВКП(б) о внутривнутрипартийном положении», в котором лидерам бывшей «рабочей оппозиции» предъявлялись политические обвинения. 19 октября Шляпников и Медведев обратились в Политбюро и ЦКК с письмом, в котором отвергли все предъявленные обвинения. 23 октября Президиум ЦКК вынес решение об объявлении А. Г. Шляпникову строгого выговора с предупреждением и об исключении С. П. Медведева из партии. После этого Медведев и Шляпников обратились в высшие партийные инстанции с просьбой отменить принятое решение. В ответ незамедлительно последовало условие публичного признания своих ошибок. И друзья дрогнули.

31 октября «Правда» публикует «Заявление тт. Шляпникова и Медведева», поданное ими 29 октября в Президиум ЦКК и в Политбюро ЦК ВКП(б). В «Заявлении» признается, что письмо Медведева «содержит ряд грубо ошибочных взглядов», главный из которых — «указание на методы работы Коминтерна», а также оскорбительное сравнение («орава мелкобуржуазной челяди, поддерживаемая русским золотом») и «указание относительно Профинтерна». Признается недопустимым «полемиический тон и ряд резких выражений в статье т. Шляпникова», а также признается ошибочность целого ряда «резких устных и письменных заявлений в ЦК и ЦКК», сделанных ими в связи с делом о «бакинской оппозиции». Шляпников и Медведев заверили, что являются «решительными, безоговорочными сторонниками Коминтерна и столь же решительными противниками II Интернационала», противниками «фракционной борьбы» и считают для себя

«безусловно обязательными решения съездов и конференций партии, ее ЦК и ЦКК».

История с «письмом бакинскому товарищу» тем самым закончилась полной победой сталинского большинства. Цель — апробировать прием коллективных признаний в существующих и несуществующих прегрешениях — достигнута. Прием этот окажется в скором времени излюбленным. Пока же он только еще «обкатывается». Спустя несколько лет текст «Заявления» Медведева и Шляпникова на фоне стилистически совершенных раскаяний покажется всего лишь хитрой уверткой двух недобитков, но это — потом... А пока и такое «Заявление» сгодилось для нанесения подписавшим его морального поражения. С двумя «политиками» было покончено. Но оставался еще Шляпников — мемуарист.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ: «МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

Как мы уже писали, Шляпников еще в 1920 г. приступил к работе над воспоминаниями. В 1920—22 гг. вышли 1-я и 2-я части «Кануна семнадцатого года», имевшего подзаголовки «Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917». В 1923 и 1925 гг. вышли книги I и II «Семнадцатого года». Они почти сразу же стали распространенными пособиями для вузов и школ. В своей работе Шляпников использовал колоссальное количество документальных источников; многие из материалов и документов были введены в научный оборот именно благодаря его публикациям. Книги получили положительные рецензии.

В одном из эпизодов II книги «Семнадцатого года» автор вспомнил и подверг резкой критике инцидент с некоторыми вернувшимися в Петроград ответственными работниками партии, в том числе с И. В. Сталиным:

«Числа 12 марта прибыла из сибирской ссылки часть ожидавшихся нами товарищей, среди которых были депутат Муранов, член старой редакции «Правды» Каменев и член ЦК Джугашвили-Сталин. Приезд подкреплений радовал нас, но после короткого свидания с приехавшими эта радость сменилась некоторым разочарованием. Все прибывшие товарищи были настроены критически и отрицательно к нашей работе, к позиции, занятой Бюро ЦК и даже Петербургским комитетом... После беседы с прибывшими у членов Бюро ЦК появились сомнения относительно их политической линии... Во всех своих

действиях приехавшие товарищи опирались на свои права членов ЦК, чем пытались парализовать деятельность Бюро ЦК и Петербургского комитета... Особенно много нападков было на нашу газету «Правда»... Дело не ограничилось одной внутривнутрипартийной критикой. Т.т. Каменев, Сталин и Муранов решили овладеть «Правдой» и повести ее на «свой» лад... Произвели редакционный переворот... День выхода первого номера «преобразованной «Правды» — 15 марта был днем оборонческого ликования... был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними... Когда этот номер «Правды» был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников... Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что «Правда» была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями «Правды», то потребовали исключения их из партии»³².

Обещанная вскоре читателям III книга «Семнадцатого года» вышла после длительной задержки только в 1927 г. и заметно отличалась от предыдущих. Так звучали объяснения Шляпникова по поводу этого факта:

«...В этой книге я отошел от «воспоминательского» характера писания и не даю анализа подобно тому, как делал это в других работах. И то и другое допущено мною в силу условий, не зависящих от автора... Редакция «Истпарта» гораздо «спокойнее» принимает документы, чем воспоминания с оценками и анализами. Мои же воспоминания, а в них оценки и анализы, всегда причиняли редакции излишние хлопоты и беспокойство...Чтобы книга появилась в свет, мне пришлось, по требованию редакции, ходить и «согласовывать» написанное со всеми, о ком я писал. Но даже после «согласования» книга II осталась на складах ГИЗа, а не была распределена по магазинам в обычном порядке.

Этими же условиями объясняется и «протокольное» изложение фактов партийной жизни. Только такое писанье, как «объективное», не встречает трений в редакциях, не нарушает ничей покой. И только поэтому III книга появилась в печати, хотя не без «заминки». Эта «заминка» видна на «лице» самой книги: она редактировалась «Истпартом», но истпартовской марки не носит...»³³

Весной 1927 г. началась комплексная атака на Шляпникова — историка и мемуариста. По прошествии всего немногим более двух лет после выхода II книги тон и содержание рецензий резко изменились. Неожиданно в книгах Шляпникова была обнаружена «философия истории 1917 года» и концепция, которая «является не ленинской, не большевистской и должна подвергнуться весьма основательному разбору»³⁴. Как бескомпромиссная память Шляпникова-мемуариста, так и его историко-революционные концепции становились все более и более неуместными. Уже всюду шла перелицовка истории в «нужном» направлении. К ярлыку «оппозиционера» добавился ярлык «небольшевистского историка». (Неле-

пость последнего тем очевиднее, что западные историографы Февральской революции единодушно сожалеют как раз о большевистской ортодоксальности ценных для науки шляпниковских трудов.)

В первом томе «Записок о революции» Н. Суханова, вышедших еще в 1919 г., находим любопытную характеристику Шляпникова: «Партийный патриот и, можно сказать, фанатик, готовый оценивать всю революцию с точки зрения преуспевания большевистской партии, опытный конспиратор, отличный техник-организатор и хороший практик профессионального движения, он совсем не был политик, способный ухватить и обобщить сущность создающейся конъюнктуры»³⁵. В каком-то смысле Суханов прав. Шляпников оказался неважным политиком. Он не умел и не хотел схватывать и обобщать «сущность создающейся конъюнктуры»: кроме мартовского 1917 г. эпизода, в шести томах воспоминаний-исследований он не нашел больше повода помянуть имя Сталина-Джугашвили, не говоря уже о том, что ни о какой «выдающейся роли» будущего Тенсека в революции в трудах Шляпникова речи быть не могло. Рассказывать байки о «мудром, родном и любимом» будет уделом других.

Четвертая и последняя книга «Семнадцатого года» вышла мизерным тиражом в 1931 г. в Государственном экономическом издательстве. По сути, это — сборник документов. Спустя год набор долго готовившейся книги Шляпникова об истории гражданской войны на Северном Кавказе был рассыпан. Этому предшествовала новая атака на «Семнадцатый год». После резкой критики в «Правде» (январь 1932 г.) Политбюро приняло решение, которым ставило злополучного автора перед дилеммой: «признать свои ошибки и отказаться от них в печати»³⁶, в противном случае — исключение из партии. Он выбрал первое. Со Шляпниковым-историографом покончили.

* * *

Благодаря недавно опубликованным материалам, мы теперь знаем, какие чувства испытывали два товарища, когда во время партийных чисток 1933—1934 гг. у них отобрали партийные билеты, как у «переродившихся» и «двурушников». Теперь в их жизни последовала цепь ссылок и арестов — прелюдия к физической ликвидации... В открытых процессах они не участвовали, не вступая в сделку ни с тем, что продолжало называть себя

«ленинской партией», ни с совестью. Здесь нам кажется уместным привести некоторые ответы С. П. Медведева на допросе 5 февраля 1935 г.:

«Я считал, что наше «преступление» состояло в том, что я и Шляпников не уложились в прокрустово ложе «сталинской эпохи»... Вопрос о своем восстановлении в ВКП(б) я не поднимал и поднимать не собирался по следующим соображениям:

..б) в случае попытки вернуться это повлекло бы нас к необходимости подвергнуть себя всему тому гнусному самооплевыванию, которое совершили над собой все «бывшие»;

в) вся история внутрипартийной борьбы за последние годы не оставляла никаких сомнений в том, что и нам не отведено ничего другого, кроме того, что имело место со всеми «бывшими», пытавшимися вернуться к своему прошлому. Все свои надежды на избавление от положения военнопленного существующего режима я строил на ходе внутренних и внешних событий. В противном случае я знал, что буду обречен как жертва царящего у нас режима»³⁷.

Таким образом, Медведев даже «с петлей на шее» откровенно заявлял о своей чуждости партии Сталина (в отличие от Шляпникова, который даже в 1934 г., несмотря на исключение из партии, считал себя ее членом). Для Медведева исключение из партии в декабре 1933 г. трагедией уже не было...

После нескольких лет скитаний по тюрьмам и ссылкам их все-таки приговорили к расстрелу: Александра Гавриловича Шляпникова — 2 сентября 1937 г., Сергея Павловича Медведева на восемь дней позже. Почти никто из сторонников «рабочей оппозиции» двух ее лидеров не пережил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 60—79.

² См.: Коммунистическая оппозиция в Советском Союзе. 1923—1927. Сб. документов. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990. Т. I. С. 80—101.

³ См.: Юность. 1988. № 11. С. 38.

⁴ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 72—73.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 336.

⁶ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. М., 1920. Ч. 1. С. 3. Правда. 1917. 20(7) ноября.

⁷ XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 199.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 65.

¹⁰ Шляпников А. О демонстративной атаке и правой опасности в партии//Большевик. 1926. № 17. С. 63.

¹¹ Там же.

¹² Правда. 1926. 10 июня.

¹³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 65.

¹⁴ Там же.

- ¹⁵ См.: Большевик. 1926. № 17. С. 74—102.
- ¹⁶ Там же. С. 85—86.
- ¹⁷ Там же. С. 94.
- ¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹⁹ Там же. С. 63.
- ²⁰ Там же. С. 66.
- ²¹ См. там же. С. 68.
- ²² Там же. С. 72.
- ²³ X съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1963. С. 530.
- ²⁴ Большевик. 1926. № 17. С. 72, 73.
- ²⁵ Там же. С. 73.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961. С. 753.
- ²⁸ Большевик. 1926. № 17. С. 90.
- ²⁹ *Гайсинский М.* Борьба с уклонами от генеральной линии партии. М.; Л., 1931. С. 140.
- ³⁰ Большевик. 1926. № 17. С. 73.
- ³¹ См. Правда. 1926. 17 октября.
- ³² См.: *Шляпников А.* Семнадцатый год. М., 1925. Кн. вторая. С. 179 — 185.
- ³³ Большевик. 1927. № 11—12. С. 101—102.
- ³⁴ *Ким Д. Я.* Семнадцатый год в изображении т. А. Шляпникова// Историк-марксист. 1927. № 3. С. 40.
- ³⁵ *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1919. Т. 1. С. 94.
- ³⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 10. С. 68.
- ³⁷ Там же. С. 72—73.